

Исключительное значение в эпоху бронзы приобрело также ремесло, некоторые виды которого, как, например, производство металлических изделий, требовали большой специализации. Ремесло, таким образом, выделилось в особую отрасль хозяйства, способствовавшую усилению межплеменного обмена. В обстановке разложения доклассового общества обмен часто заменялся насильственным захватом, и грабеж становился своеобразной формой «производства». В первую голову насильственному захвату подвергался скот, постоянная борьба шла также и за пастбища. Эта постоянная межплеменная борьба, характерная для рассматриваемой стадии общества, иллюстрируется большим количеством оружия в закавказских могильниках, а также формой самого поселения, ставшего крепостью. Хорошо укрепленные поселения, так наз. циклопические крепости, особенно характерны для тех районов, в которых было развито скотоводство.

Редкие военные столкновения племен доставляли также пленных, которые стали уже использоваться в хозяйстве в качестве рабов. При раскопках курганов Восточного Закавказья не раз были встречены погребения рабов, сопровождавших в могилу вождя племени. Различное социальное положение погребенных отмечалось также и различным видом помещения их в могилу; основной покойник, снабженный богатым инвентарем, помещался обычно в вытянутом положении, а сопровождающие его — в сидячем или в скорченном. В некоторых случаях число таких сопровождающих погребений доходило до десяти. Важно отметить и то обстоятельство, что и по антропологическим признакам эти костяки существенно отличались друг от друга. В то время как черепа вытянутых костяков были долихокефальными, что характерно для основного населения Закавказья эпохи бронзы, черепа сопровождающих костяков имели ярко выраженную брахикефалию. Эти наблюдения поднимают не только весьма существенный для истории древнейшего Закавказья вопрос о рабстве, но также и об его источниках. Возможно, рабами становились пленные, захваченные в районах к югу от Закавказья, для населения которых особенно характерна брахикефалия.

Общество Закавказья эпохи бронзы стоит на последнем этапе доклассового общества. Разложение первобытнообщинных отношений и процесс классовобразования в Закавказье были ускорены взаимоотношением Закавказья с Ванским царством (Урарту). С конца IX в. до н. э. начинается продвижение урартов на север через Аракс. С этого времени и до начала VI в. до н. э. южные области Закавказья вошли в состав Ванского царства.

Б. Пиотровский

Некоторые итоги раскопок Тиритак и Мирмекия

(10 лет работ Боспорской археологической экспедиции)

В 1816 г. в Керчи были предприняты Дюбрюксом первые археологические раскопки. С тех пор на протяжении 100 лет сначала в Керчи и ее окрестностях, а затем на Таманском полуострове ежегодно велись археологические исследования.

Никакой другой район нашей страны не являлся полем столь упорной, систематической и длительной работы археологов, как оба полуострова, окаймляющие Керченский пролив и отличающиеся исключительным богатством археологических памятников, связанных с тысячелетней эпохой существования античного Боспорского царства. Усилия, затраченные русской археологией на изучение Боспорского царства, увенчались блестящими результатами. Был добыт огромный, разнообразный и яркий вещевой материал, замечательные памятники погребальной архитектуры и живописи, было создано богатейшее собрание эпиграфических памятников, получивших широчайшую мировую известность. «Керченские древности», или «древности Боспора Ким-

мерийского», составляют одну из наиболее ценных коллекций в составе собрания Государственного Эрмитажа и всегда вызывали и будут вызывать законное чувство гордости за нашу отечественную археологическую науку.

Однако, когда археологические работы возобновились после десятилетнего перерыва, вызванного мировой войной и событиями революционного времени, то оказалось, что в археологическом изучении древнего Боспорского царства имеются серьезные пробелы, за ликвидацию которых должны были незамедлительно взяться советские археологи. Дореволюционные археологи, подчиненные определенным установкам, исходившим из правительственных сфер, вынуждены были все свои усилия сосредоточить на раскопках некрополей, расположенных около крупных боспорских городов, и отдельных выдающихся курганов, рассеянных по Керченскому и Таманскому полуостровам. При таком одностороннем увлечении раскопками некрополей социально-экономическая история, история культуры Боспорского царства реконструировались без учета одного из важнейших археологических источников, каким являлись остатки боспорских городов, раскопки которых в дореволюционное время почти совершенно не велось.

Остатки боспорских городов, не являвшиеся объектом научного изучения, были вместе с тем обречены на произвол судьбы. Многие памятники разрушались, превращались в места добычи строительного материала, застраивались, гибли. Особенно плачевной оказалась судьба территории бывшей боспорской столицы—Пантикапея, почти $\frac{3}{4}$ которой на протяжении XIX в. и первых десятилетий XX в. было застроено современным городом Керчь и почти навсегда вследствие этого потеряно для науки.

Археологическое изучение Боспорского царства, широко развернувшееся в советское время, было обращено прежде всего на исследование боспорских городов. За последние 20 лет сделано в этом отношении уже немало, хотя мы и находим лишь в самом начале надлежащего разворота археологических исследований, посвященных раскрытию истории и культуры античных городов и селищ Боспорского царства.

Весьма существенный вклад в археологическое изучение боспорских городов внесли археологи-античники Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Организованная здесь постоянно [действующая Боспорская археологическая экспедиция много лет подряд неукоснительно ведет планомерные исследования находящихся в районе Керчи древних городищ.

С 1932 г. и до начала Великой Отечественной войны Боспорской экспедицией ежегодно велись работы в Камыш-Буруне (11 км южнее Керчи), где находятся развалины города Тиритаки, входившего в состав Боспорского государства и являвшегося крупным приморским населенным пунктом на ближайших подступах к боспорской столице Пантикапею.

Одновременно Боспорская экспедиция с 1934 г. и до 1938 г. включительно вела систематические раскопки другого боспорского города—Мирмекия, остатки которого лежат в 4 км северо-восточнее Керчи, на побережье Керченской бухты¹.

Летом 1946 г. Боспорская экспедиция, после 5-летнего перерыва, вызванного войной, возобновила работы как в Тиритаке, так и в Мирмекии, хотя на Мирмекийском городище в силу ряда причин раскопки оказалось возможным организовать лишь в ограниченном масштабе².

¹ Работы Боспорской экспедиции освещались нами на страницах ВДИ, 1937, № 1 и 1940, № 3—4. Подробный научный отчет за 1932—1934 гг. опубликован в МИА, 1941, № 4 («Археологические памятники Боспора и Херсонеса»).

² Боспорская археологическая экспедиция в 1946 г. была организована Ленинградским отделением ИИМК совместно с Ленинградским государственным ордена Ленина университетом при участии Керченского историко-археологического музея. Как и в предыдущие годы, работами экспедиции руководил В. Ф. Гайдукевич. В состав экспедиции входили научные сотрудники: Т. Н. Книпович (начальник Мирмекийского отряда), Е. Г. Кастанаян, М. А. Наливкина, И. В. Викторов, М. М. Кубланов, В. П. Шилов, директор Керченского музея В. И. Юдин, зам. директора музея А. П.

Таким образом, в Тиритаке в 1946 г. была проведена десятая, а в Мирмекии шестая археологические кампании¹.

В результате десятилетних работ Боспорской экспедиции в Тиритаке общая раскопанная площадь городища составляет свыше 8000 м² (рис. 1).

При раскопках Тиритаки неоднократно встречались предметы доантичной эпохи. Уже собрана серия фрагментов каменных шлифованных топоров-секир и некоторые изделия из кремня. Эти каменные орудия относятся к поздней эпохе бронзы и, видимо, близки концу II тысячелетия до н. э. В той же связи следует вспомнить находку известных антропоморфных стел, оказавшихся использованными в качестве строительного материала в раннеклассическое время.

В 1937 г. при публикации этих тиритацких находок нами было высказано предположение, что в данном случае мы имеем дело с памятниками материальной культуры киммерийцев². Теперь мы еще более уверенно можем сделать вывод, что на месте Тиритаки существовало поселение в период поздней бронзы.

Систематические исследования боспорских городищ на Керченском полуострове должны осветить культуру киммерийского периода, остающуюся еще до сих пор невыясненной.

Следует думать, что само название города Тиритаки, явно негреческое, восходит к тому догреческому поселению, которое находилось здесь на берегу Керченского пролива в конце II—начале I тысячелетий до н. э. Тем самым подтверждается мысль Н. Я. Марра о том, что «греки явились на готовые места», т. е. на места уже издавна существовавших поселений, наиболее активными строителями которых были киммеры³.

Попутно хотелось бы отметить одно обстоятельство, которое оставалось, кажется, вне внимания исследователей. Как известно, Керченский полуостров пересекает два оборонительных вала⁴. Один из них (1-й вал) начинается у Азовского моря и тянется отсюда на юг, в сторону селения Катерлез, затем приближается к Керчи и проходит здесь на расстоянии всего около 3 км западнее города, после чего продолжается дальше в южном направлении, причем в свое время вал заканчивался непосредственно у Тиритаки. На этом основании и самый вал некоторые исследователи считают возможным называть Тиритацким⁵. Второй, еще более грандиозный вал (так наз. Аккосов вал) расположен несколько дальше к западу. Его протяженность около 36 км⁶. Он также идет от Азовского до Черного моря, пересекая с севера на юг весь Керчен-

Иванова, а также студенты ЛГУ: Л. А. Неменко, Г. С. Плетнева, Э. Д. Рабинович и В. Г. Борохович.

¹ Оба городища—Тиритака и Мирмекий чрезвычайно сильно пострадали от фашистско-немецких войск во время их вторжения на Керченский полуостров и пребывания там в 1941—1944 гг. В Мирмекии все участки прежних раскопок оказались почти полностью разрушенными, главным образом при возведении различного рода немецких военно-оборонительных сооружений. Значительная часть территории городища Тиритаки изрыта траншеями и блиндажами. Почти все археологические памятники повреждены или разрушены при устройстве военных объектов. Открытые раскопками оборонительные стены Тиритаки в двух местах разрушены прямым попаданием авиабомб. Сверх того, территория городища засорена остатками немецкой боевой техники. На раскопанных в 1946 г. участках городища было извлечено около 30 мин.

² ВДИ, 1937, № 1, стр. 219—221; ср. МИА, 1941, № 4, стр. 38—39, а также соображения Тальгрена в ESA, X, стр. 146.

³ Н. Я. Марр, Значение и роль изучения меньшинства в краеведении, «Краеведение», 1927, № 1, (отд. оттиск), стр. 13—14.

⁴ Последний раз о валах писали Р. В. Шмидт («К исследованию боспорских оборонительных валов», СА, VII, стр. 268 сл.) и К. Э. Гриневич («Оборона Боспора Киммерийского», ВДИ, 1946, № 2, стр. 160 сл.).

⁵ К. Э. Гриневич, ук. соч., стр. 163.

⁶ Вал был обследован на всем его протяжении Боспорской экспедицией в 1940 г., но результаты этого обследования еще не опубликованы.

ский полуостров, упираясь своим южным концом в Узунларское озеро, являвшееся в античную эпоху вместе с соседним Элькинским озером большим заливом, за которым на побережье Черного моря был расположен боспорский город Киммерик.

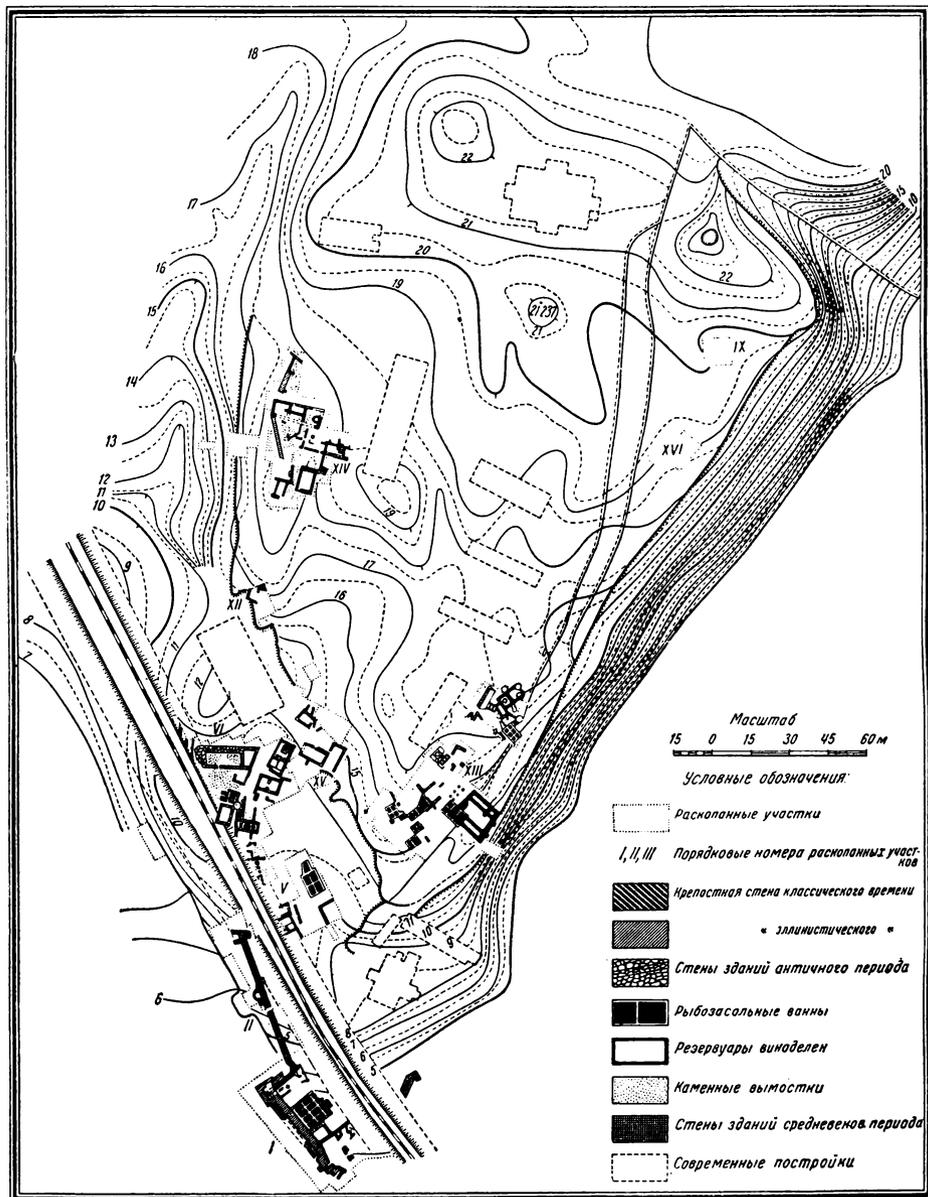

Рис. 1. План городища Тиритаки с обозначением раскопанных участков (до 1940 г. включительно).

Принято считать, что оба вала сооружены боспорскими греками в V—IV вв. до н.э. для защиты своих земель, причем по мере роста боспорских владений в Крыму эти пограничные оборонительные рубежи передвигались на запад.

Однако античная литературная традиция только один крымский вал связывает со строительством боспорцев. Это вал и башни, построенные царем Асандром во второй

половине I в. до н. э. (Strabo, VII, 311), повидимому в районе Акманайского перешейка, близ Феодосии. Геродот, говоря о вытеснении из Северного Причерноморья киммерийцев скифами, перечисляет сохранившиеся в Скифии географические наименования и сооружения, связанные с киммерийцами: «И теперь еще есть в Скифии Киммерийские укрепления, есть Киммерийские переправы, есть и область, называемая Киммериею, есть и так называемый Киммерийский Боспор» (H e r o d., IV, 12).

Сопоставляя приведенные указания Геродота с тем фактом, что оба вышеуказанных вала, сохранившихся на Керченском полуострове, связаны так или иначе с поселениями, носящими негреческие названия (Тиритака — Киммерик), причем в первом, т. е. Тиритаке, установлено теперь наличие явных следов жизни киммерийской эпохи, а во втором само название говорит о его связи с киммерийцами,—можно было бы, пожалуй, считать, что *Κιμμερία τεύχεα*¹ Геродота и есть те могучие валы и рвы, которые пересекают восточную часть Крыма от моря до моря. Ведь недаром же пролив, соединяющий Азовское и Черное море получил прочно закрепившееся за ним название Боспора Киммерийского, а несколько населенных пунктов Боспорского царства на Керченском и Таманском полуостровах назывались Киммериками. Повидимому, здесь был один из сильных оплотов киммерийцев², и возможно, что защищался он оборонительными сооружениями—валами и рвами. Лишь впоследствии эти валы были использованы боспорцами для защиты своих владений от кочевников³.

Как видим, археологическое исследование Тиритаки заставляет серьезно задуматься над «киммерийской» подосновой боспорских поселений на Керченском полуострове.

Тиритака, как греческое поселение, как одна из эллинских колоний Боспора Киммерийского, возникла около середины VI в. до н. э. За десять раскопчных кампаний в Тиритаке собрано значительное количество расписной импортированной керамики, относящейся к VI в. до н. э. Были открыты хорошо сохранившиеся остатки греческого дома второй половины VI в.—первый крупный памятник городской жизни Боспора архаического периода, с весьма интересным комплексом вещевых находок, характеризующих культуру первых греческих поселенцев-ионийцев, обосновавшихся в Тиритаке прежде всего с торговыми целями⁴. Интересно, что в доме преобладают вещи привозные и притом преимущественно ионийского происхождения—таковы почти все лучшие керамические предметы, которые найдены в крайнем западном помещении дома. На таблице I, А представлена клазоменская амфора VI в. до н. э. (выс. 23 см), обнаруженная в названном помещении на полу рядом с серией высокохудожественных терракотовых статуэток, представляющих собой великолепные произведения греческой архаической коропластики.

¹ Выражение Геродота *Κιμμερία τεύχεα* иногда переводят «Киммерийские стены», но надо учитывать, что значение термина *τεύχεα* значительно шире,—он охватывает и общее понятие военного укрепления и различного рода оборонительные ограждения, в частности земляные.

² Ср. С. П. Шестаков, Киммерийцы в археологии Украины, Юбилейный збірник на пошану акад. Д. И. Багалія, Киев, 1927, стр. 303.

³ По словам Геродота владения царских скифов на юге доходили до Таврики (т. е. до горной части Крыма), а на востоке до «рва, который выкопали потомки слепых» (H e r o d., IV, 20). Здесь, несомненно, имеется в виду какой-то рубеж в восточной части Крыма, поскольку дальше, как продолжение его к северу, отмечается побережье Азовского моря и затем река Танаис. Повидимому, в античную эпоху в Северном Причерноморье относительно происхождения валов в восточном Крыму ходили легенды, в которых создание этих оборонительных сооружений приписывалось потомкам неких скифских рабов, восставших во время преследования скифами киммерийцев (H e r o d., IV, 3). Важно, что и в этой легендарной версии происхождение оборонительных рвов в Крыму не связывалось со строительной деятельностью эллинов и отсылалось явно к доколониационному периоду.

⁴ О тиритакском архаическом доме см. ВДИ, 1940, № 3 (4), стр. 306.

В дополнение к уже ранее опубликованной статуэтке¹ мы воспроизводим здесь на рис. 2 другую статуэтку (выс. 14,5 см) из архаического тиритакского дома, которая также изображает богиню, сидящую на троне. Чрезвычайная мягкость моделировки фигуры, округлость ее форм и ряд других стилистических признаков выдают руку ионийского короляста². Следы полихромной росписи сохранились как на троне, так

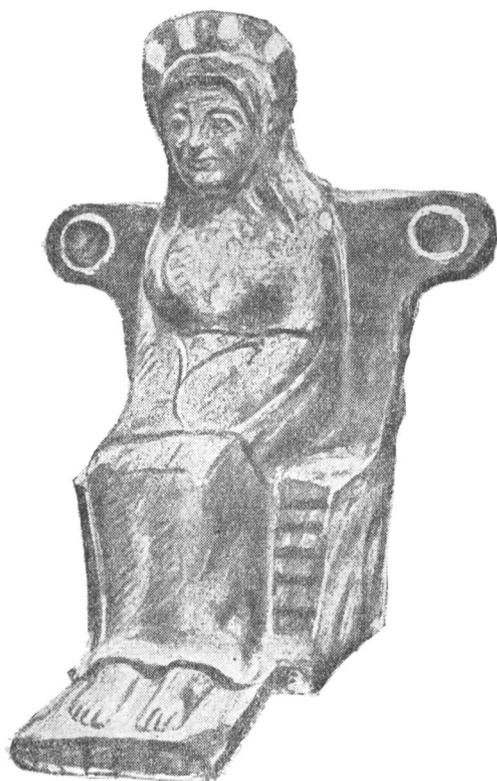

Рис. 2. Терракотовая статуэтка VI в. до н. э. из «архаического дома» (фото с акварельного рисунка).

уже при Спартокидах, в IV—III вв., когда возникли те мощные оборонительные стены и башни, которые открыты вдоль юго-западной границы города³.

В доримское время город выполнял функции оборонительного форпоста на ближайших подступах к столице государства и был торговым пунктом, население которого занималось и сельским хозяйством, и животноводством, причем больше всего жители разводили мелкий рогатый скот. Были и ремесленники, как это засвидетельствовано уникальной находкой бронзового штампа III—II вв. до н. э., служившего для изготовления золотых медальонов с изображением бюста Афродиты⁴.

В пригороде Тиритакки существовало святилище Деметры, которое со значительной долей вероятности можно предполагать на основании огромного количества культовых терракотовых статуэток, найденных в 1932 г.⁵, которые, вероятно, являлись votivными приношениями, скопившимися в святилище.

и на фигуре богини. Подставка для ног украшена вертикальными темнокрасными полосками, такие же полоски, но горизонтальные, заметны и на передней стороне трона по обеим сторонам ног. Полукруглые выступы спинки трона украшены кругами бирюзового цвета, на каждом выступе нарисовано по одному кругу. Такой же краской исполнены четыре крупных овальных пятна на передней стороне головного убора—стефаны. Обрамляющие лоб волосы окрашены темнокрасной краской.

Ряд находок из архаического дома позволяет установить возникновение некоторых отраслей производства в боспорских городах уже во второй половине VI в. К ним относятся, несомненно, ткачество (в доме найдены необожженные глиняные гирьки в виде пирамидок для ткацкого станка и пряслица от веретен) и гончарное дело, как показывают некоторые сосуды, глина которых и характер выделки выдают их местное происхождение. находка скифской лепной посуды показывает, что в греческий быт колоний очень рано стали проникать скифские вещи.

Исследованиями было установлено, что уже в первой половине V в. город имел оборонительную каменную ограду. Более основательно город был укреплен

¹ Там же, стр. 308, рис. 7.

² Ср. А. F u r t w ä n g l e r, Aegina, Мюнхен, 1906, стр. 379.

³ ВДИ, 1937, № 1, стр. 221 сл.

⁴ СА, VI, стр. 298—303.

⁵ Часть этих терракот издана Ю. Ю. М а р т и в МИА, 1941, № 4, стр. 26 сл.

ТАБЛИЦА I

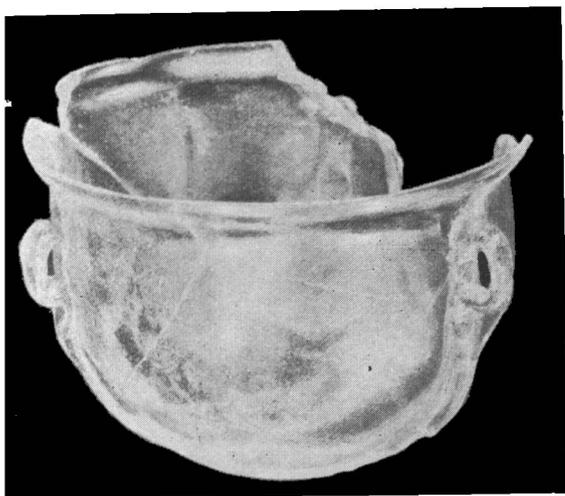
А. Глазюменская расписная амфора VI в. до н. э. из «архаического дома».

В. Родосское клеймо III в. до н. э.

Г. Боспорское (?) клеймо III в. до н. э.

Б. Стекланный сосуд из помещения № 2.

Д. Терракотовая женская головка III в. до н. э.

ТАБЛИЦА II

Наверху—тиритакский клад 1946 г. в момент его обнаружения.
Внизу—увеличенные изображения лицевых и оборотных сторон двух
расчищенных «статеров» 573 г. босп. эры (Тейрана) и 515 г.
босп. эры (Радамсада).

В эллинистический период Тиритака приобретает значение одного из важных центров виноделия, которое получило на Боспоре промышленное значение, уже в III в. до н. э. К ранее открытым в Тиритаке памятникам винодельческого производства необходимо добавить еще две вновь раскопанных в 1946 г. винодельни. Шесть виноделен и ряд отдельных орудий позволяют видеть в Тиритаке значительный винодельческий пункт и дают возможность проследить историко-технологическую эволюцию боспорских виноделен, начиная с эллинистического времени и кончая позднеримским периодом. Таким образом, работами Боспорской экспедиции выявлена одна из совершенно доселе неизвестных страниц истории материальной культуры Боспорского царства. В 1946 г. была полностью раскрыта самая ранняя винодельня № 4 (на раскопчном участке V—VI)¹. Винодельня № 4 представляет собой продолговатое каменное здание, северо-западная часть которого и являлась собственно давилницей. Последняя состояла из обширной оцementeзированной давилной площадки, шир. 2,70 м, дл. 5,25 м, имеющей небольшой уклон в юго-восточную сторону.

Выжимание винограда производилось на площадке рабами-давилщиками, которые растапывали виноградные гроздья ногами. С площадки сок стекал через каменный слив в четырехугольный врытый в землю резервуар, имеющий дл. 2 м, шир. 1,75 м, глуб. 1,55 м. Емкость резервуара равнялась примерно 5000 литрам. Никаких других приспособлений для переработки винограда в данной винодельне нет.

Вещевой материал, преимущественно в виде обломков керамики, оказавшийся в резервуаре и на давилной площадке, принадлежит эллинистическому периоду. Здесь оказались: обломки «мегарской» чаши; обломок боспорской керамиды (плоской черепицы) с клеймом—«βασιλική»; ручка родосской амфоры с клеймом, содержащим имя фабриканта Δφρου (эмблема—виноградная гроздь) и др. Возникновение винодельни относится, по видимому, еще к III в. до н. э.

В римское время винодельня эта не действовала и была засыпана, так как ее устаревшая конструкция не удовлетворяла уже новым требованиям. Принцип устройства тиритакской эллинистической винодельни очень близко напоминает конструкцию винодельни IV в. до н. э., раскопанной В. Дерпфельдом на западном склоне афинского некрополя в 1894 г. в святилище Диониса Ленеяского в Лимнах².

Раскопками 1946 г. открыты в Тиритаке еще две винодельни, относящиеся к римской эпохе, имеющие значительно более сложное устройство. Открытая в восточном районе Тиритаки (участок XVII) винодельня № 5 относится к II—III вв. и отличается превосходной сохранностью всех наиболее важных конструктивных частей.

По всей планировке она чрезвычайно близка винодельне № 3, раскопанной в 1938 г. В ней также имеются три рядом расположенные давилные площадки и столько же резервуаров. На средней площадке действовал рычажный пресс, от которого сохранилась in situ каменная гиря, состоящая из двух соответственно обработанных известняковых плит³.

Раскопанная в 1946 г. на участке XIV, в западной части городища, винодельня № 6, относится к III—IV вв. н. э. и представляет, по видимому, наиболее развитой тип этого рода производственных сооружений. К сожалению, довольно большая часть

¹ Перечень античных виноделен, открытых до 1940 г. в Тиритаке, см. в моей статье: «Укрепленная villa rustica на Темир-горе», СА, VII, стр. 54.

² W. D ö r p f e l d, Die Ausgrabungen am Westabhang der Akropolis, AM, XX, 168—171, рис. 5 и 6. По мнению Фриксенхауза, открытые Дерпфельдом развалины принадлежат не святилищу Диониса, а являются остатками Гераклеяона в квартале Мелита (A. F r i s k e n h a u s, Das Herakleion von Melite, AM, XXXVI, стр. 117). Как в том, так и в другом случае несомненна культовая роль афинской винодельни.

³ В Тиритаке ранее открыты еще две винодельни римского времени, в которых сохранились in situ каменные гири, см. ВДИ, 1937, № 1, стр. 231, рис. 13 и ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 311. Все это дает чрезвычайно ценный материал для реконструкции устройства прессов в боспорских винодельнях—вопрос, которому мы посвящаем соответствующий раздел в нашем специальном исследовании.

здания винодельни разрушена при постройке немецкого блиндажа во время войны, вследствие чего полный план этой винодельни не может быть восстановлен.

В винодельне № 6 основная давяльная площадка, на которой растаптывали виноград ногами, устроена совсем не так, как во всех других известных нам боспорских винодельнях. Она состоит здесь из плитовой вымостки, покрытой сверху очень тонким слоем (0,5 см) цемента обычного в римское время состава.

Место для пресса представляет собой ограниченное с четырех сторон пространство (1,60 м × 1,85 м), где находится устроенное из плит четырехугольное возвышение (1,06 м × 1,30 м), служившее основанием для укладки подвергавшейся прессованию виноградной мязи.

Сок с давяльных площадок мог поступать в четыре резервуара, расположенных попарно в двух местах винодельни. Гирь от пресса в этой винодельне не обнаружено, — вероятно, они не сохранились. Резервуары, как обычно, оцементированы внутри, а днища у них устроены с впадинами, еще более резко выраженными, чем в винодельне № 5. Очень сложной и необычной является в винодельне № 6 система сливов и каналов, по которым сок по мере надобности направляется в различные резервуары. С давяльной площадки, где виноград растаптывали, сок по специальному жолобу мог быть направлен в крайний восточный резервуар I. Туда же через особое отверстие мог течь сок с площадки, где действовал пресс. Имелось еще отверстие, через которое сок из-под пресса попадал в соседний резервуар II. Кроме того, с западной стороны на той же площадке было устроено два отверстия, которые соединены с подземным каменным каналом, разделенным на два жолоба, параллельно идущих (каждый из них имеет шир. 10 см, выс. 6 см). Канал перекрыт небольшими известняковыми плитками и проходит под полом давяльной площадки в направлении двух резервуаров (III—IV), расположенных отдельно, в юго-западной части винодельни.

Тиритакские, а вместе с ними и мирмекийские винодельни, помимо большого интереса, который они представляют как памятники античной материальной культуры, эллинистическо-римской техники, проливают новый свет на некоторые стороны экономической истории рабовладельческого Боспорского царства.

Теперь можно считать прочно установленным, что виноградарство и виноделие были широко развиты на Керченском полуострове, особенно в ближайших окрестностях Пантикапея, в период с III в. до н. э. по III—IV вв. н. э. Виноделие в эллинистическо-римское время представляло; оказывается, одну из значительных отраслей боспорской экономики.

Боспор, следуя примеру херсонесцев, стал культивировать свое виноделие, которое вследствие значительно более благоприятных экономических условий вскоре приобрело на Боспоре крупные промышленные масштабы, особенно в позднеэллинистическое и римское время, когда импорт виноградных вин из отдаленных заморских стран значительно сократился.

Многочисленные археологические открытия характеризуют, кроме того, Тиритаку в роли крупнейшего рыбопромыслового пункта Боспора в римский период. Остатки больших рыбных заводов представлены монументальными комплексами рыбозасолочных ванн, количество которых уже достигает—56¹.

В раннеримское время город был превращен в один из самых мощных пунктов рыбного промысла в районе Боспора Киммерийского. Обширные участки города, особенно в южной и юго-восточной части, были застроены рыбозасолочными ваннами, в которых консервированию подвергались многие сотни тонн рыбы, вылавливавшейся в проливе.

¹ Основные сведения о них см. в моих статьях ВДИ, 1937, № 1, стр. 236 сл.; ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 309 сл. См. также статьи: Ю. Ю. М а р т и, Новые данные о рыбном промысле в Босфоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия, СА, VII, стр. 94—105; о н ж е, Рыбозасолочные ванны Тиритаки, МИА, 1941, № 4, стр. 93—95; о н ж е, Возникновение и развитие рыбного промысла в Азовско-Черноморском бассейне, Природа, 1941, № 5, стр. 79 сл.

Наблюдения над многочисленными ваннами склоняют к выводу, что, несмотря на различия в строительной технике, сооружение основной массы их относится к одному периоду—к I и отчасти II в. н. э.¹ В преобладающем своем большинстве эти рыбозасолочные ванны эксплуатировались очень долго, подвергаясь, конечно, неоднократному ремонту, состоявшему прежде всего в обновлении внутренних цементных покрытий.

Рыбные продукты являлись для Боспора на всем протяжении его истории одной из существеннейших статей экспорта, наряду с пшеницей. В доримское время Боспор вывозил, повидимому, преимущественно дорогие сорта рыбы и, вероятно, не в столь уже большом количестве. Положение значительно изменилось в I в. н. э., когда Боспор стал снабжать провиантом римские гарнизоны, расквартированные в Крыму и других припонтийских районах, в частности, в Малой Азии, где почти непрерывно стояли крупные римские вооруженные силы, главным образом на границах с Парфией.

Можно думать, что особенно в период императора Нерона, когда римлянами велись крупные военные операции в Армении, а затем готовилась война с целью завоевания Кавказа и выхода на побережье Каспийского моря²,—Боспор весьма интенсивно поставлял провиант, необходимый для питания римских войск и к тому же заготавливавшийся, вероятно, впрок в связи с назревавшей войной в юго-восточном Причерноморье.

Боспор эту выгодную в экономическом отношении обстановку не преминул использовать. Начался стремительный рост рыбного промысла в ближайших к боспорской столице пунктах на побережье Керченского пролива.

Наличие в римский период многочисленных виноделен и рыбозасолочных предприятий показывает, что в это время Тиритака являлась одним из важнейших промысловых поселений Боспорского царства, своеобразным хозяйственным пригородом Пантикапея. Специфический облик и особая планировка Тиритаки, как промыслового пункта, делает ее единственным такого рода поселением среди всех известных в настоящее время городов античной эпохи в Северном Причерноморье.

В римское время через город, примерно посередине его, проходила одна продольная уличная магистраль, по обеим сторонам которой располагались жилые дома, принадлежавшие тиритацким рыбопромышленникам и виноделам. Вся остальная площадь города была занята главным образом производственными постройками, связанными с рыбным промыслом и виноделием.

К числу важнейших результатов археологического изучения Тиритаки принадлежит открытие большого дома римского времени (рис. 3), дающего яркое представление о быте населения и являющегося пока единственным образцом рядового боспорского городского жилого дома-усадыбы III—IV вв. н. э. Это—большое здание, состоящее из ряда помещений, сгруппированных вокруг центрального двора, и занимающее в общем достаточно обширную площадь, равную примерно 300 м².

За домом существовали другие постройки, подошва стен которых была почти на уровне кровли расположенного рядом дома-усадыбы. При такой террасообразной планировке стены, ограничивающие дом с юго-востока, являлись одновременно и подпорными стенами, которые прилегали своей внешней стороной к вертикально срезанному матерiku. Этим объясняется особая солидность этих стен и прочность их кладки.

Удалось выяснить, что в римскую эпоху при возведении построек на террасе, занимаемой домом-усадыбой, были уничтожены существовавшие тут более ранние постройки. Ниже дома не оказалось культурных остатков ни эллинистической ни классической поры и лишь кое-где встречены были фрагменты архаической керамики. Этот вывод подтверждается и тем обстоятельством, что за юго-восточной стеной дома-

¹ Ср. замечания Ю. Ю. Марти в его статье «Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн», МИА, 1941, № 4, стр. 24.

² W. S c h u r, Orientpolitik des Kaisers Nero, «Klio», Beiheft XV, Лейпциг, 1923, стр. 63 сл., 85 сл., 92 сл.

усадыбы обнаружены частично уцелевшие стены постройки раннеэллинистического времени (*n*), в значительной своей части разрушенной при возведении дома в римский период. Внутри этого небольшого пространства, ограниченного остатками стены, обнаружено значительное количество фрагментов керамики эллинистического времени, в том числе некоторое число остродонных амфор с энглифическими клеймами на горлах.

Центральную часть дома-усадыбы составляет вымощенный плитами двор, с западной стороны которого был выход на улицу, имеющую черепяную мостовую. Стекавшие с кровель дома атмосферные осадки выводились за пределы усадьбы при помощи водо-

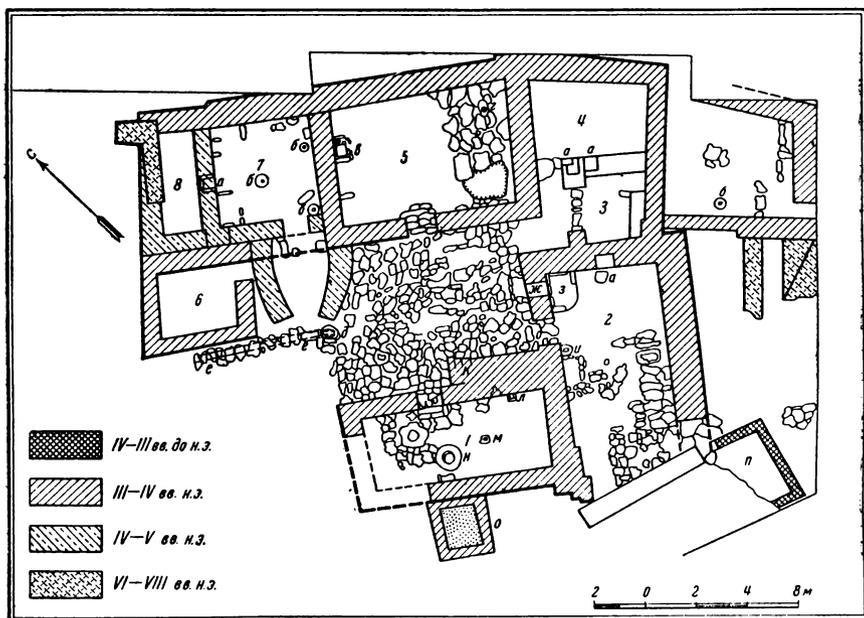

Рис. 3. Схематический план тиритакского дома-усадыбы III—IV в.

сточного канала (*e—e*) устроенного во дворе и направленного в сторону улицы. На водостоке во дворе лежала каменная давилка («гарапан»), служившая для выжимания виноградного сока (*θ*).

Часть жилых и хозяйственных помещений (№№ 1—8), расположенных вокруг двора, имела второй этаж. Второй этаж был над южным помещением № 1, о чем свидетельствует ведущая наверх каменная лестница (*κ*), пристроенная со стороны двора к стене этого помещения. Стены дома построены из разнородного строительного материала, преимущественно из камней, подвергнутых лишь грубой обтеске. Хорошо обтесанные крупные плиты употреблены лишь в кладке угловых частей здания, а также для облицовки дверных проемов, ниш и т. п. Немало строительного материала явно использовано вторично из разобранных более древних построек. В одной из стен помещения № 1 сохранилась подставка большого мраморного лутерия, употребленная в кладке как строительный камень.

Некоторые помещения получали дневной свет через оконные отверстия, обращенные во двор. Одно из таких окон (*ж*) почти полностью сохранилось в помещении № 2. Так как оно расположено над печью (*α*), то представляется вероятным, что окно это служило и для вытяжки дыма. Внутри помещений каменные стены были покрыты глиняной обмазкой, причем в жилых помещениях обмазка подвергалась побелке, следы которой особенно ясно сохранились в помещении № 5. При входе в помещение № 1 через хорошо сохранившийся дверной проем нужно спуститься по двум каменным ступеням. Прямо против входа вкопан в пол большой глиняный пифос (*η*), в котором хранились

запасы хлебного зерна. Зерна пшеницы и ячменя были найдены тут же около пифоса на полу, часть которого вымощена каменными плитами. В числе их обнаружена плита (и), служившая, вероятно, базой для деревянного столба.

Особый интерес вызывает имеющееся в одной из стен помещения № 1 углубление (а), вырубленное в большом округлом камне. В нем обнаружены кости поросенка, барашка и сврюги. Поверх прикрывающих эти кости морского песка и черепков лежал глиняный светильник. Очевидно, при закладке дома была совершена «строительная жертва», цель которой состояла в том, чтобы обеспечить удачу постройке и благополучие обитателям дома¹. Последние безусловно имели отношение к рыбному промыслу, являвшемуся, вероятно, одним из основных источников их дохода. Почти во всех помещениях дома в большом количестве встречались каменные грузила от рыболовных сетей, собственно от неводов, в виде грубообработанных продолговатых кусков известняка с жолобообразным перехватом посередине. Найдены также костяные иглы для плетения сетей, из чего следует, что в доме занимались изготовлением рыболовных снастей. Возможно, данной усадьбе принадлежала и рыбозасолочная ванна (о), прилегающая с юго запада к помещению № 1.

Обширное помещение № 2 имело в северном углу печь (з), служившую для приготовления пищи. В стене над печью устроена ниша (а), в которой хранилась утварь и стояли осветительные приборы. Близ печи найдено много кухонных глиняных сосудов, главным образом лепных, несколько светильников и пр. Здесь же оказался и тонкой выделки стеклянный сосуд (таблица I). Возле дверей стоит каменная ступа (и) для размола зерна. В притолоке дверного проема в нижней части высечена маленькая ниша, предназначавшаяся, по видимому, для светильника, освещавшего вход.

Помещения №№ 3 и 4 служили для хозяйственных целей, при этом помещение № 4, с двумя нишами (а—а), было, по видимому, кладовой (рис. 4). Тут оказалось множество разбитых амфор, в том числе очень большого размера, обычных на Боспоре в позднеримское время. Очевидно в них хранились запасы зерна, вина и соленой рыбы.

Чтобы проникнуть в помещение № 5 надо так же, как и в помещение № 1, сойти по нескольким ступеням вниз—пол в помещении был несколько ниже уровня двора. Восточная половина помещения вымощена плитами, между которыми одна плита (выс. 1,03 см) оказалась фрагментированным надгробием позднеримского времени с надписью: Νεῖκος, являющейся, по видимому, именем погребенного (рис. 5). Как видно, жители иногда в качестве строительного материала утилизировали надгробные плиты с местного некрополя. Пол, в котором найдена плита, самый поздний, ниже его выявлено было еще три земляных пола, уровень которых последовательно повышался в связи с происходившими в помещении время от времени переделками.

В помещении оказалось несколько открытого типа простых очагов. Главный очаг находился возле западной стены (е). Внутри очага и около него лежало значительное количество крупного размера глиняных пирамид и конусов. Это были, вероятно, подставки для вертел или для сосудов при установке их на очаг², нередко именуемые «грузилами», неоднократно встречавшиеся при раскопках позднеримских остатков Тиритики непосредственно в очагах или поблизости от них.

Очаг в помещении № 5 был устроен над перевернутым вверх основанием мраморным жертвенником, попавшим в помещение значительно ранее того времени, когда здесь устроили указанный очаг.

Жертвенник имеет форму почти правильного куба, выс. 53 см, верхние края которого снаружи профилированы (рис. 6). На верхней плоскости имеется углубление. Наряду с обильно представленной глиняной посудой (амфоры, лепные сосуды и пр.)

¹ Ср. обширный этнографический материал по «строительным жертвам», приведенный в работе Д. Зеленина, «Тотемы—деревья в сказаниях и обрядах европейских народов», М.—Л., 1937, стр. 3 сл.

² Ср. М. К i m a k o w i c z - W i n n i c k i, Spinn- und Webwerkzeuge, Вюрцбург, 1910, стр. 4 сл.

Рис. 4. Хозяйственное помещение № 3 и № 4 с печами; вид с севера.

Рис. 5. Надгробие с надписью из вымостки в помещении № 5.

обнаружено некоторое количество предметов женского обихода: костяная цилиндрическая пиксида для румян, бронзовое зеркало, глиняные пряслица для веретен.

Все это лежало под толстым слоем пожарища в виде громадного количества превратившихся в уголь деревянных перекрытий, перемешанных с песком, вероятно, покрывавшим потолок в качестве теплоизоляционного материала.

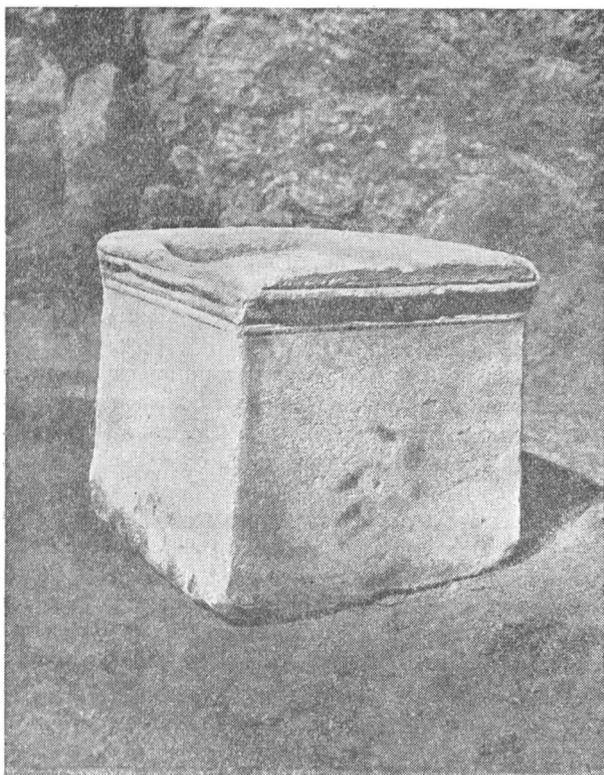

Рис. 6. Мраморный жертвенник из помещения № 5.

Очевидно, дом погиб от пожара, следы которого особенно отчетливо видны как в помещении № 5, так и в помещении № 1.

Под слоем сгоревших частей здания в помещении № 5 на глубине 3,65 м от современной поверхности городища была встречена каменная плита, служившая подом простого очага. В золе, покрывавшей эту плиту, лежал разбитый на много кусков глиняный лепной горшок (з). В нем и возле него, поверх обломков стенок сосуда, оказалось большое количество покрытых окисью бронзовых монет (рис. 9). Среди них находились также три серебряные позолоченные серьги—две большие, в виде обручей, и одна маленькая, калачикообразная. Кроме того, в слипшихся комках монет были обнаружены два бронзовых перстня и бронзовый цилиндрический футлярчик для амулета. Футлярчик снабжен двумя выступающими сбоку вверху и внизу ушками для продевания шнура¹.

Так как на некоторых монетах были замечены следы прилипшей к ним ткани,

¹ Подобные бронзовые цилиндрики неоднократно были находимы с заключенными внутри них заклиинациями, написанными на пластинках из золота, серебра или на лоскутке ткани. См. доклад В. В. Шкорпила «Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи», напечатанный в протоколе 306-го заседания Одесского общ., истории и древностей, «Зап. Од. Общ., ист. и др.», XXI, стр. 8—11.

то следует заключить, что весь этот клад—монеты, серьги и пр.—был сначала завернут в кусок ткани, затем положен в горшок и вместе с ним спрятан в очаг.

На дне сосуда обнаружено изрядное количество обуглившихся «чернильных орешков» (Gallae)—особых образований на дубовых листьях. В. А. Петров, сделавший ботаническое определение этой находки, высказал интересное предположение. По его мнению, «чернильные орешки» применялись жителями тиритакского дома при окрашивании шерсти.

Найденный в помещении № 5 клад¹ состоит из 225 монет, представляющих так называемые деградированные статеры последних боспорских царей: Тейраха, Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI, начиная с 573 г. боспорской эры (= 276 г. н. э.) и кончая 629 г. б. э. (= 332 г. н. э.). Клад охватывает период времени в 57 лет и представляет собой выпуски монетной чеканки 40 годов. Преобладающая часть монет (185 штук) относится к Рискупориду VI. Монеты времени Рискупорида VI представлены непрерывным рядом годов на протяжении всего царствования этого боспорского царя, при котором чеканка монет прекратилась вовсе в 332 г. (таблица II).

Клад позволяет сделать немало ценных выводов о монетном деле в период кризиса и политических потрясений, закончившихся в конечном итоге распадом Боспорского государства.

Для нас клад представляет большое значение и при историческом осмыслении того замечательного археологического комплекса, каким является тиритакский дом-усадебный комплекс.

Самые поздние монеты клада принадлежат 332 г. н. э. Значит, клад был спрятан в очаге дома не ранее 332 г. Вряд ли это произошло именно в 332 г., вероятнее всего несколько позднее.

При попытке выяснить время, когда клад монет мог быть зарыт в очаг, мы сталкиваемся с известной трудностью, вытекающей из того обстоятельства, что после 332 г. новых выпусков боспорских монет не было, по причинам достоверно нам неизвестным. Последнее обстоятельство, независимо от того, чем оно было обусловлено, несомненно, должно было вызвать у населения стремление сохранять сбережения, состоявшие, главным образом, из монет последних выпусков. Поэтому кажется весьма вероятным, что клад из тиритакского дома следует рассматривать как некое денежное накопление, которое после 332 г. обитатели дома старались как можно дольше удерживать.

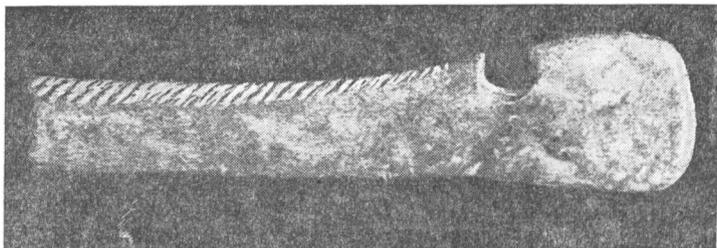

Рис. 7. Костяная обкладка лука.

Но вот наступил момент какой-то быстро приближавшейся опасности. Повидимому, нагрянул враг, заставивший жителей Тиритакки бросать свои жилища и поспешно уходить из города. Покидая свой дом, но надеясь в него вернуться, владелец клада второпях сложил свои ценности в первый попавшийся под руку сосуд и закопал его в очажный пепел. Между тем события приняла, вероятно, более неблагоприятное течение. Это подтверждается следами большого пожара, поглотившего дом, который после

¹ Клад подвергнут расчистке в Гос. музее изобразительных искусств реставратором М. А. Александровским. Научная обработка клада, определение входящих в его состав монет произведены заведующим отделом нумизматики ГМИИ, Л. П. Харко.

этого уже не был восстановлен. Причиной гибели многих домов позднеримского времени в Тиритаке в IV в. н. э. был огонь. Полагаем, что здесь перед нами следы погрома, учиненного в Тиритаке гуннами, неожиданно вторгшимися на Боспор в 70-х годах IV в.¹ и нанесшими тяжелый урон боспорским городам, из которых многие после этого навсегда прекратили свое существование².

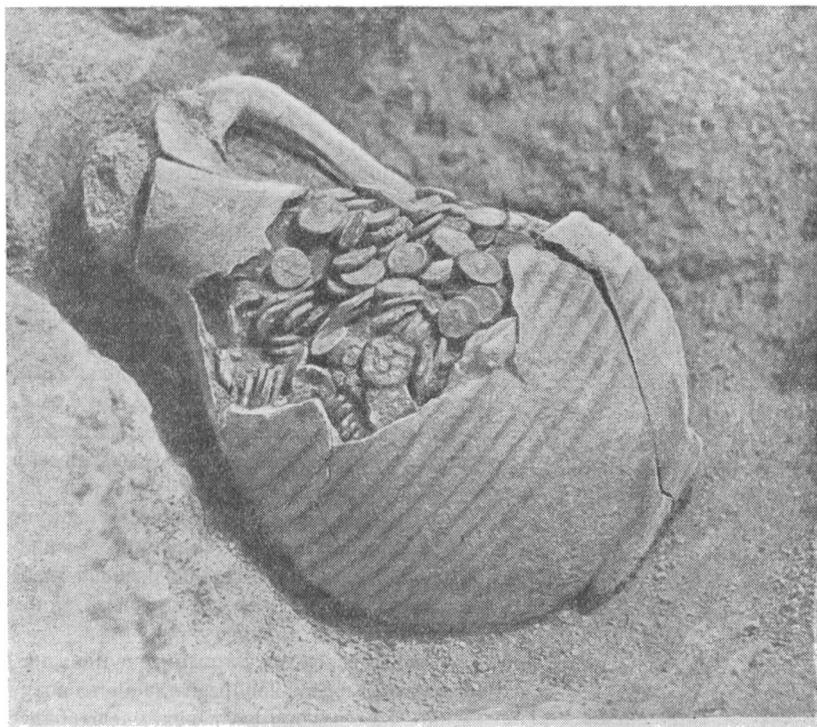

Рис. 8. Кувшин с кладом боспорских монет III в. н. э., найденный в Тиритаке в 1937 г.

Не исключено, что найденная в Тиритаке в 1946 г. концевая накладка лука с вырезом для закрепления тетивы (рис. 7), не встречавшаяся, кажется, до сих пор на Боспоре, принадлежит гуннскому луку и относится именно к тому времени, когда город подвергся гуннскому вторжению в IV в. н. э.

Монетный клад, найденный в 1946 г., является третьим крупным кладом Тиритаки. Первый клад, состоящий из монет митридатского времени, был найден в 1935 г. Второй клад, содержащий 2093 монеты—с 234 г. до 276 г. н. э., найден в 1937 г. (рис. 8)³. Интересно отметить, что монеты второго тиритакского клада заканчиваются 276 г., тогда как третий клад (1946 г.) начинается как раз с 276 г., являясь таким образом в нумизматическом отношении как бы прямым продолжением второго клада.

Возвращаясь к тиритакскому дому-усадебке, следует отметить, что весь вещевой материал из этого дома обрисовывает не только культурно-экономическое состояние Тиритаки в III—первой половине IV в. н. э., но в известной мере отражает экономическое положение Боспорского царства в этот период. Бросается в глаза весьма ограниченное количество привозных вещей, подавляющее большинство вещей пред-

¹ А. Васильев, Готы в Крыму, ИГАИМК, I, стр. 296, 300.

² В. Ф. Гайдукевич, Памятники раннего средневековья в Тиритакке, СА, VI, стр. 200—204.

³ А. Н. Зограф, Тиритакский клад, КСИИМК, VI, стр. 58—61.

ставляет собой местную боспорскую продукцию. К числу импортных вещей можно с уверенностью отнести, пожалуй, лишь весьма немногочисленное стекло. Наблюдающееся в доме характерно в сущности для позднеримского культурного слоя всей Тиритаки, а можно сказать и больше—это особенность всех городов Боспорского царства на рубеже III—IV вв., когда внешние торговые сношения Боспора, начиная с середины III в. н. э. были вследствие ряда обстоятельств резко подорваны. Экономическая жизнь приобрела более замкнутый, «ойкосный» характер, поскольку морская торговля должна была весьма сократиться.

Обратим внимание на одну любопытную бытовую деталь. Среди многочисленных керамических вещей, найденных в тиритакском доме-усадебке имеется серия глиняных светильников, в ряду которых имеется светильник (выс. 13,6 см) очень своеобразной формы (рис. 9). На высокой, расширяющейся книзу ножке расположен резервуар в виде круглой чашечки, в центре которой находится вертикальная полая внутри втулка с двумя полукруглыми отверстиями по бокам. Это жировой светильник, предназначенный для использования животного жира. Повидимому, подвоз растительного оливкового масла, применявшегося обычно для светильников, настолько сократился, что население вынуждено было заменять его животным жиром или другими доступными на месте горючими материалами. Уместно здесь напомнить интересную, сделанную в 1939 г. на одном из раскопочных участков Тиритаки, находку глиняной, герметически закупоренной амфоры с нефтью¹. Совершенно очевидно, что за недостатком растительного масла жители стали употреблять в качестве горючего для светильников местную нефть.

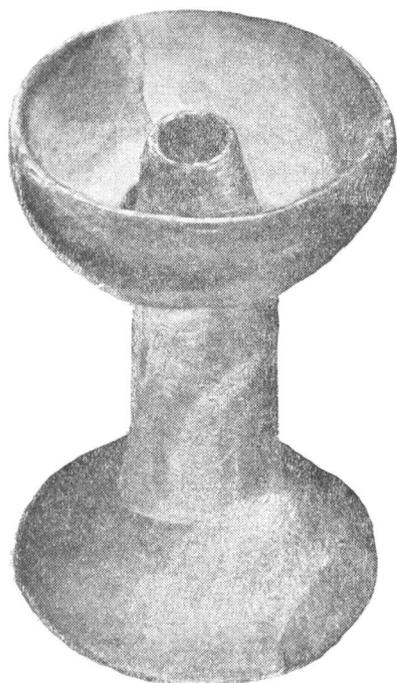

Рис. 9. Глиняный светильник из помещения № 2.

После разгрома Тиритаки гуннами в 70-х гг. IV в. жизнь здесь вскоре стала снова возрождаться, но уже далеко не в тех масштабах, как это было ранее. Обосновавшиеся на пепелище Тиритаки жители в конце IV—начале V в. использовали некоторую часть сгоревшего дома-усадебки. Помещения №№ 7 и 8 свидетельствуют об этой жизни, протекавшей среди руин огромного дома, восстановить который было уже не под силу новым его обитателям. К этому периоду относятся довольно многочисленные фрагменты красноглиняных хорошей выделки блюд с христианскими крестами, оттиснутыми на дне штампом.

Следы дальнейшей жизни VI—VIII вв. представлены остатками построек, с характерной кладкой «в елку», возникших уже на мощном слое культурных отложений, которые перекрыли развалины античной Тиритаки.

К числу монументальных построек этой эпохи относится христианская базилика юстиниановского времени, развалины которой были раскопаны в 1937 г.² Дома этого периода обычно отличаются чрезвычайным обилием жерновов от ручных мельниц, подтверждающих земледельческий характер быта населения (рис. 10). Обычными для этого времени являются амфоры со сферическими днищами. Реже встречаются лощенные сосуды «садковского» типа. Если к этому добавить, что и в тиритакском некрополе встречались погребения с вещами, явно родственными Верхнему Салтову, то при-

¹ ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 312—313.

² СА, VI, стр. 190 сл.

дятся считать установленным наличие в верхних напластованиях Тиритаки остатков той культуры, которая в VI—VIII вв. была распространена в Придонье, на Северном Кавказе, а также, как мы видим, в Крыму и в которой, очевидно, следует видеть соответственно модифицировавшуюся сармато-аланскую культуру на ее раннесредневековой стадии.

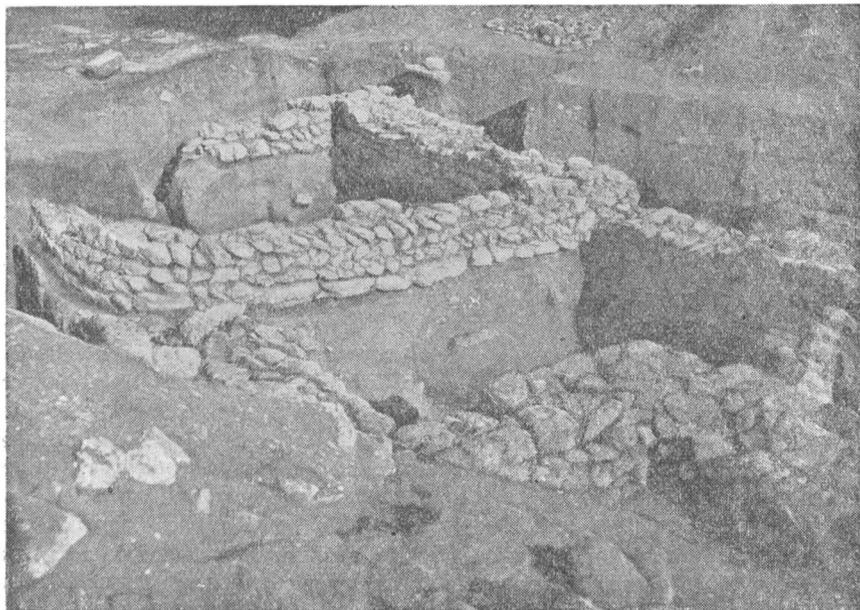

Рис. 10. Общий вид остатков дома VII—VIII вв. н. э., открытого на участке X.

Основные результаты раскопок Мирмекия уже были освещены на страницах ВДИ¹. Поэтому мы остановимся здесь главным образом лишь на итогах раскопок 1946 г. Археологические исследования Мирмекия в 1934—1938 гг. установили, что город, как греческое поселение, возник около середины VI в. до н. э. К началу IV в. до н. э. город достиг своих наибольших размеров и в этих границах был окружен каменной оборонительной стеной, построенной в первой половине IV в.

Начиная с позднеэллинистического времени Мирмекий, подобно Тиритаке, все более превращался в хозяйственно-промышленный пригород Пантикапея, становясь прежде всего одним из виноградарско-винодельческих поселений Боспора.

В римский период Мирмекий также не избежал превращения в один из рыбопромышленных пунктов, хотя и не в такой крупный, как Тиритака.

Довольно обширный участок города, расположенный непосредственно за оборонительной стеной и раскопанный экспедицией в течение нескольких сезонов ее работ, дал очень интересный материал, который рисует быт мирмекийцев, их жилища, культуру, главным образом в римское время.

Разведочный раскоп, заложенный в 1938 г. в центральной части городища (раскоп *И*), обнаружил весьма мощные культурные отложения эллинистической эпохи. Выяснилось, что здесь представляется возможным развернуть широкие исследования эллинистического Мирмекия. В целях уточнения и проверки этого вывода раскоп *И* был несколько расширен в 1946 г., что дало возможность вполне убедиться в правильности ранее сделанных наблюдений.

¹ ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 305.

На раскопанных в 1946 г. квадратах глубина культурных отложений достигала более 4 м, причем до глубины 2,80—2,90 идут эллинистические напластования, отчасти II в., в основном III в. до н. э. На глубине 2,90—3,90 м вскрыт слой с остатками классического периода и единичными экземплярами (обломки архаических амфор и ионийских расписных сосудов) VI в. до н. э.

Остатки римского времени очень незначительны, они представлены преимущественно в виде ям-зернохранилищ.

В южной половине раскопа II открыт ряд стен, принадлежащих, повидимому, крупному жилому дому, возникшему в III в. до н. э. На юго-восточном отрезке раскопа выявлена часть помещения, ограниченного высокими стенами, выс. до 2,05 м. Вероятно, это был дворик, как можно думать по наличию щебенчатой вымостки. К нему примыкает с западной стороны длинная стена, наиболее сохранившаяся в своей средней части. В юго-западном углу раскопа найден (не *in situ*) большой каменный круглый пресс, являющийся наглядным подтверждением существования виноделия в Мирмекии в III в. до н. э.

Не подлежит сомнению, что при дальнейшем расширении раскопок на данном участке Мирмекия будет вскрыто хозяйственно-жилое здание эллинистической эпохи. Поразительно обилён здесь керамический материал эллинистического времени. Одних амфорных клейм извлечено несколько сот штук. Из них подавляющее большинство принадлежит Родосу и Синопе. Отметим интересный экземпляр родосского клейма (таблица I, В) с обычным изображением государственной эмблемы—цветка розы, вокруг которого читается имя фабриканта 'Αὔριμος. Рядом с цветком имеется еще изображение мухи (?), которое являлось, вероятно, эмблемой магистрата. Интересно также клеймо (таблица I, Г), на котором представлено изображение пасущейся лошади, над нею написано, очевидно, имя фабриканта Κεφαλ [ων]. Эмблема клейма чрезвычайно близка изображению пасущейся лошади на пантикапейских монетах III в. до н. э.¹ Не принадлежит ли клеймо амфоре боспорского происхождения? Характер глины этому предположению не противоречит.

В числе керамических находок значится и некоторое количество терракот, сохранившихся преимущественно в виде фрагментов. Среди них имеются хорошие образцы греческой коропластики эллинистического времени (таблица I, Д). Принадлежащие римскому периоду ямы, вырытые в эллинистических культурных отложениях, являлись, очевидно, зернохранилищами. Особо выделяется своим устройством одна большая яма-зернохранилище, внутренние стенки которой обмазаны глиной и обожжены, очевидно, ради воспрепятствования проникновению сырости.

Из находок, извлеченных при раскопке ям и относящихся в основной массе к II—III вв. н. э., заслуживают особого внимания каменные инструменты для растирания краски и для выглаживания окрашенной штукатурки.

В отличие от Тиритаки, жизнь в Мирмекии стала с конца III в. н. э. довольно быстро замирать, и поэтому вещевых находок IV в. н. э. обычно встречается немного.

Десять археологических кампаний, которые Боспорская экспедиция посвятила планомерному исследованию двух боспорских городов Тиритаки и Мирмекии, с исключительной убедительностью показывают, сколь ценным, разносторонним и содержательным источником познания экономическое и культурное истории Боспорского царства являются остатки его городов, и притом не только крупных, но и более мелких, которые так незаслуженно игнорировались дореволюционной русской археологией.

В. Ф. Гайдукевич

¹ Cp. M i n n s, Scythians and Greeks, табл. V, 25.